

За всю войну до самой Праги я не встречал такой
сложной обстановки*

Павел Иванович Шевченко — ветеран 5-й армии. В октябре 1941 г. красноармеец, наводчик 1-го орудия 2-й батареи 133 ЛАП 32 СД.

Ночью иногда не спишь, и все это представляешь, как оно было. Несмотря на то, что я прошел до последнего дня на фронте от рядового наводчика орудия до командира батареи. И я после бородинского боя немало воевал, бил танки, доты, дзоты, но такого!!! Таких первых дней на Бородинском поле у меня не было, и в жизни я не встречал такой сложной обстановки до самой Праги.

Мы прибыли в составе 32-й дивизии на защиту московских рубежей в октябре месяце. Выгрузились, где-то в районе Можайска ¹ сосредоточились... В районе сосредоточения к нам в полк прибыл маршал Ворошилов. Недалеко от моего расчета, смотрим, остановилась машина легковая и выходит из машины маршал. И направился к нашему расчету. Командный состав был направлен на уяснение обстановки, и я замещал командира орудия. Я дал команду «смирно», но здесь у меня получился конфуз. Команду «смирно» я подал, но больше вымолвить я слова не мог. Маршал Ворошилов улыбнулся и сказал: «Садитесь. Вольно», спросил, откуда мы прибыли. Мы ответили, что дальневосточники. Он взял ложку, помешал у одного кашу гречневую – концентрат и говорит: «Хороша каша».

...На второй день прибыли на огневые позиции. Я должен сказать, что мы трепетно ступали по этой священной земле, она как-то

---

* ГБВИМЗ. НВФ. Д.3364/82. Фонозапись расшифрована С.Ю. Рычков.

поднимала наше настроение. И притом оно такое красивое, это Бородинское поле. Мы знаем, как там сражались наше предки в 1812 году, и как-то жалко было копать эту землю под окопы орудийные и щели. На Бородинском поле очень много памятников. Наша батарея – вторая батарея 1-го дивизиона 133-го артиллерийского полка расположилась недалеко от батареи Раевского. И 13 [12] числа мы приготовились, выложили весь боекомплект к орудийному расчету ². Нас обошел командир полка майор Ефремов и начальник штаба капитан Сарыгин Павел Петрович. Еще раз нас проверил. И вот на 2-й день, не помню, кажется это было 14 [13] октября 1941 г., утром тишина, слышим где-то далеко стрекочут пулеметы, бьют пушки ³. Часов до 10 утра было тихо. А потом началось. На нас двинулась пехота. Я не могу вам сказать, сколько там их было, не то 300, не то 500. Ну просто зеленая лавина, поддерживают 2 бронетранспортера. Это был наш первый бой, мой в частности. Самое настоящее боевое крещение. Командир взвода младший лейтенант Правилев Андрей Иванович подает команду приготовиться. Я вижу, что эта пехота продвигается к нам, остается метров 300 и кричу командиру взвода: «Можно стрелять?».

А он: «Нет, подожди Павлуша». Меня, кстати, еще в мирное время там, на Дальнем Востоке, почему-то все звали Павлушей. Хотя я – Павел, но меня звали Павлушей. «Нет, Павлуша, не торопись, соберись, не волнуйся». А этот бронетранспортер вырвался впереди пехоты и идет прямо на мое орудие. Когда до него оставалось метров 100, может 150, мл. лейтенант Правилев скомандовал: «Огонь!». После моего выстрела, бронетранспортер развернуло, и он взорвался. Затем огонь переносу по пехоте: осколочным, беглым, притом, что до нее оставалось метров 100. Ведь вы учтите, что я не один вел огонь — стреляла вся наша батарея, и вел огонь весь 2-й дивизион ⁴. Но почему-то, не знаю и сейчас (я тогда был рядовой и не входило в мою компетенцию), впереди нас не было нашей пехоты. Почему? Я не знаю

это до сих пор ⁵. И вот таким образом, в первый день мы отбили 6 атак. Командовал батареей Петр Гончаров(?) из Ленинграда. 15 или 16 [14 или 15] октября – атаку за атакой немецкой пехоты мы отбивали снарядами. Когда они заканчивались, то брали свое личное оружие и как настоящие пехотинцы вели бой. Эти последующие дни были тяжелее, чем первый бой. Просто наседали немецкие автоматчики на нашу батарею. Волна за волной. Впереди наших орудий – сотни немцев. Но и мои товарищи геройски погибали. Никакой паники, никакой суматохи. В традициях славных защитников Хасана.

До 15 октября 1941 года немцы танков не применяли [против 1/133 ЛАП], но 15, утром, в нашу батарею вошло 10 или 15 танков в сопровождении пехоты, автоматчиков ⁵. И здесь повторилось у меня, как в первый день боя. Но нервы были крепкие. Я торопился открывать огонь, но Провилов говорил: «Павлуша не торопись». И вот когда головной танк на бешеной скорости направился на мое орудие, – я не выдержал и дернул за шнур. Попал в гусеницу. Танк развернулся, но я не понял, что попал, и думал, что он сам развернулся. Слышу: «Огонь!», и, вторым снарядом попадаю в башню. Танк загорелся. Мой товарищ и мой дружок Федя Чихман, он в тот день подбил 4 танка. Три танка подбил, а ему правую руку оторвало. До потери сознания он все ж таки успел зарядить и последний сделал выстрел, и подбил четвертый танк. Я в тот день тоже подбил четыре немецких танка. Больше в этот день немцы не применяли танки против нас, И к концу дня двинули опять пехоту. У нас оставалось уже мало снарядов на огневой позиции. У меня было только 2–3 снаряда. И к вечеру пошли эсесовцы в полный рост, психически. Когда оставалось 70 м, Провилов скомандовал: «Шрапнель». То я вспомнил, что у меня в зарядном ящике, еще с Дальнего Востока оставалось 2 снаряда. Выстрелил. Да, хороша шрапнель. Немцы сразу же залегли. Осталось на поле человек 20, так как они шли строем [в полный рост].

И самый ожесточенный бой был 16 октября 1941 г. Немцы танки

уже не пускали, а все время атаковали пехотой. И 16 или 17 октября, дело дошло до рукопашной. А у нас нет снарядов, а немцы все двигают и двигают. И вот здесь мобилизовали всех. И ездовые, и пришлось вступить в рукопашную. Немцы двинули так, что мы не поняли, как они вошли на нашу огневую позицию. И кто чем мог. Я, например, схватил саперную лопатку. Потом лопату выбили, я – ломом, киркой. Здесь к концу дня лежит немец, рядом наш боевой товарищ. Провилов Андрей Иванович как былинный богатырь, когда у него уже личного оружия патронов не осталось, схватил карабин. В нем тоже патронов нет, тогда он штыком колот фашистов. Выбили у него карабин, он схватил банник. И здесь он, в этом бою, проявил себя, как былинный богатырь. А вечером он погиб, его подкараулил снайпер. Таким образом, на этой огневой позиции, в течение 6 дней отражали яростные атаки фашистских захватчиков, не отступили. Многие из нас погибли здесь. Как я уже говорил, командир батареи старший лейтенант Гончаров, был тяжело ранен, командир взвода погиб. Раненых мы в темное время суток относили в музей «Бородино». Он, кстати, был справа [слева] впереди. Там был организован медсанбат 32-й дивизии.

Убитых, погибших, мы хоронили здесь же, на огневой позиции. Ждем следующих атак. Атак нет. Утром нет. Уже совсем светло, тишина. И такое впечатление, как, вроде, войны нет, и не было ее. Мы не понимаю, что ж это будет? Потом получаем сообщение, что мы окружены. Дивизия, стрелковые полки и 154-й гаубичный полк вышли, а наш полк оставлен для прикрытия выхода из окружения дивизии. До вечера [16 октября] мы стояли на огневой позиции.

Мы, по распоряжению командира полка майора Ефремова, собрались все в лесу. Не помню, километров 5 или 6 от огневой позиции. И ночью, командир полка отправился в разведку сам. Нам, когда он вернулся из разведки, распорядился выдать все новое обмундирование, сапоги оставшимся в живых. Доп. паек, НЗ –

покушать хорошо. Мы одели все чистое. Командир полка майор Ефремов, так и сказал, что я установил два выхода из окружения. Один выход есть, – можно выйти без боя. Другой выход будет наиболее ощутимый для врага, но с боем. Ночью, оставив лошадей в лесу, – привязали их, и орудия на руках катили на расстояние 3 км лесом. Представьте себе, это октябрь месяц, дождь. Лесом катим себе. Орудия берем, как говорится по 10–15 человек, и покатали. Причем была строжайшая маскировка, – никакого курения, никакого разговора, никакого шума. К утру, мы выкатали и установили орудия на опушке леса. При том, впереди нас – сплошная колонна танков, бронемашин, бензовозов, расположилась немецкая колонна. Это шоссе, которое идет на Старую Рузу(???). Шоссе, правда, не такое широкое, как Минск – Москва, но достаточно широкое. Эта колонна танков, бронемашин стояла в 2–3 ряда. Как они двигались на Москву, остановились ночевать. Немцы оставили тут часовых. Притом часовых было немного. Мы удивились. А сами – по ту сторону шоссе, как бы восточнее от нас – с. Головенки, или, как еще его называли, совхоз «Октябрьский»⁶. Немцы сами ночевали в этом селе. Причем, характерно, что утром, когда мы устанавливали орудия прямой наводкой перед этой колонной, так было слышно куриные крики, женские крики, детей плач. Но наше дело было разгромить эту колонну прямой наводкой. Командир полка дал указание последним снарядом уничтожить свое орудие и уходить в лес.

Когда развиднелось, чуть-чуть начало светлеть, стало видно танковую колонну всю. Вы не можете себе представить, что это за колонна!!! Я повернулся вправо, – конца не видно. Эта колонна стоит в 2–3 ряда. Влево повернулся, – конца не видно. И здесь, посреди колонны, командир полка дал приказ пробить ее и выходить⁷.

Перед моим орудием оказалась легковая машина. И вот, утром, машина эта открывается. Выходит оттуда немецкий генерал, в лампасах. Почему генерал? Потому что я лампасы видел. Потянулся...

К нему подбежал солдат с горячим чайником, подал ему. Умывается генерал. И так хочется его «снять». Но строгий приказ: «До сигнала – не стрелять!».

И здесь, посреди колонны, командир полка дал приказание пробить ее и выйти. И вот, по его сигналу, – зеленой ракете, мы начали бить танки прямой наводкой. Тут уже не нужна была панорама прицела, – здесь стволом. Кстати, тот товарищ, что к нам присоединился, – у него были полные зарядные ящики снарядов(???)

Мой снаряд первый попал в бензовоз. Представьте себе, что там получилось. Бензовоз взорвался. Это горючее растекается, горит сплошной огонь. Другие товарищи бьют по танкам, по машинам с боеприпасами. И через каких-нибудь пять минут, вместо колонны оказалось сплошное месиво огня. Уже снарядов у нас нет, последним снарядом я взорвал орудие - песку в ствол. Мы отошли и наблюдаем. Ждем, когда поступит сигнал отступления. Командир полка – на лошади, там еще 2–3 танка впереди наших орудий, с другой батареи (а их было 10 или 12 орудий со всего полка).

Командир полка подъезжает и кидает на эти танки бутылки с горючей жидкостью. Но мы увлеклись, и немцы зашли к нам с тылу. И здесь пришлось нам отбиваться очень жестоко. Многие погибли. Мне удалось вырваться из этого кольца. Применял и рукопашную. Попался мне немецкий автомат. Я с этим автоматом так и прибыл в штаб дивизии. Штаб находился в городе Старая Руза. Причем, я двигался, подобрал еще одного раненого, тащил на себе. Солдат был ранен в горло. Я тащил его километров 8 или 10. Не доходя вечером до Рузы, смотрю, – речка [р. Руза]. Навстречу мне всадник. За ним ординарец. Я притаился в кустах, смотрю, кто это: не то наш, не то немец. Смотрю – наш! Я обрадовался. Он меня спрашивает: «Откуда?». Я отвечаю: «Со 133-го». А это оказался начальник артиллерии 32-й дивизии. Фамилия, по-моему, Тульчинский, подполковник. Потом стал Битюцкий. Он меня спрашивает: «Где полк?». Я говорю, так и так. Он мне дал адрес

медсанбата, куда дотащил солдата и сдал его. И явился в штаб дивизии. Здесь я должен сказать, к сожалению, что после этого, командир полка там погиб в этом бою, при бое с танковой колонной. Мне посчастливилось наступать обратно, через село Головенки [Гавшино]. И я вырвался. Самовольно. Мы в стороне были немножко. Посмотреть, что же стало с этой колонной? Ее убрали или она стоит еще? Эти танки, побитые нами, бронемашины и пр.

Конечно, трофейная команда забрала этот металлолом. Я зашел в село, поговорил с жителями. И мне рассказали очевидцы, местные жители, что командира полка, майора Ефремова Алексея Севостьяновича немцы поймали живым. И до чего они были обозлены на него, что решили его казнить. Здесь же. Там, где я выбирался через поле, было отдельное дерево. Оно, как бы огород. И они привязали майора Ефремова к этому дереву, облили бензином и подожгли. Таким образом, майор Ефремов Алексей Саватеевич погиб геройской смертью. Он нас воодушевлял на подвиг и, он, в упрек сказать, остался безвестный герой!

Там погиб начальник штаба капитан Сарыгин Михаил Петрович. Там остальные офицеры и солдаты погибли, с полком вышли что-то считанные единицы. Пусть родные и близкие этих погибших товарищей знают, что их сыновья отцы, братья погибли геройской смертью. Но, к сожалению, они погибли победителями. К сожалению, они остались, ничем не отмечены, никакими наградами. А, даже не будет это кощунством, нашелся один человек, который там не присутствовал и не был в 133-м полку. А с него потребовал характеристику на каждого офицера Особый отдел. И он дал ложные характеристики. Я только удивляюсь, как у него только повернулась рука писать на майора Ефремова, командира полка, капитана Павла Петровича Сарыгина, начальника штаба, и комиссара, что они сдались. Когда этот человек, назову его прямо, капитан Выборнов Василий Алексеевич. Он, недавно умер своей смертью. И, как говорят,

что об умерших говорят только хорошее. Но я не могу кривить душой. Он сделал подлость. Эти люди погибли истинными героями. Они погибли победителями.

Вот сейчас прошло около 40 лет после этого события. И я не могу без волнения вспоминать эти дни, Бородинское поле. И особенно это было числа 20–21 октября, когда мы разгромили, где погиб командир полка майор Ефремов, герой Хасана. Сейчас, по прошествии стольких лет, меня как ветерана войны часто приглашают в школы, в училища на встречи с юными друзьями. И некоторые, задают вопрос, страшно ли принять первый бой? Да, было страшно. Особенно первый бой, как я выше говорил, особенно первый выстрел. Но мною руководило чувство ответственности перед Родиной. Чувство, что я, что вот от меня лично зависит судьба Родины. От меня лично зависит Москва. И так второй, третий и каждый. Мы были воспитаны в традициях славной 32-й дивизии. Она была сформирована в 1919 г. в Саратове. Она так и называется Саратовская Краснознаменная 32-я стрелковая дивизия. Затем она стала 29-й гвардейской ордена Суворова дивизией.

Желаю Вам, дорогие друзья, брать пример с моих товарищей, которые отстояли Москву ценой своей жизни.

Комментарии.

---

¹ Полк разгрузился на ж.д. ст. Можайск в ночь с 11 на 12 октября 1941 г. (см. Журнал боевых действий 32 СД)

² Вторая батарея 1-го дивизиона 133-го ЛАП расположилась на позициях в районе д. Князьково северо-восточнее Батареи Раевского и должен был своим огнем поддерживать 17 СП. 133 ЛАП получил свое название легко-артиллерийского, из-за того что был вооружен артиллерией приспособленной к действию в горной местности, орудия транспортировались во вьючном варианте на конной тяге. В одном дивизионе было три батареи 4-х орудийного состава, две батареи были вооружены 122 мм гаубицами, одна батарея 76 мм пушками.

³ В это время шли бои у д. Рогачево .

⁴ Возможно автор ошибается. Второй дивизион 133 ЛАП располагался в 5 км севернее Князьково и поддерживал своим огнем 113 СП.

---

⁵ Приказом по 32 СД от 12.10.1941 г. 1-й дивизион 133 ЛАП своим огнем должен был поддерживать пехоту 230 учебно-запасного СП (двух батальонного состава), которому был отведен участок обороны Новое Село, Захарьино, Бородино (сев.), /иск./ Шевардино, Гудковская Дача, Криушино, Горшково .

⁵ 15 октября немецким танкам пехоте при поддержке танков наступающих от д. Семеновское на север и сев. восток удалось в плотную подойти к орудиям 1/133 ЛАП (см. Журнал боевых действий 32 СД от 15. 10. 1941 г.).

⁶ Здесь неточность. Село Головенки находятся между г.Наро-Фоминск и Кубингой, возможно в данном случае автор имеет ввиду д. Гавшино и совхоз «Гигант».

⁷ Немецкая колонна, возможно, двигалась по шоссе Можайск – Клементьево.